

Однако Го Нуань не мог избавиться от ощущения, будто кто-то сверлит его тяжелым, почти осязаемым взглядом. Он осторожно огляделся по сторонам, но кругом царило спокойствие.

«Наверное, просто разыгралось воображение», — мысленно вздохнул он.

Под обрывом раскинулось глубокое озеро. Берега его устилала голая глина; если пройти дальше по этой пустынной желтой земле, начинали попадаться редкие деревья, а вдали, у самого подножия раскидистого исполинского древа, виднелась одинокая бревенчатая хижина. Растительность здесь была скудной, а каменистая почва — бесплодной. В таком суровом краю сухопутные звери почти не водились, и лишь озерная глубь кишела жизнью. Вокруг царило глубокое, почти первозданное безмолвие.

Обычному человеку и в голову бы не пришло искать здесь жилье. Очевидно, друг Чжан Мяо был из тех загадочных отшельников, что сознательно бегут от мирской суеты. И отшельником непростым. В стране Сюанью мастеров, заслуживших звание Мудреца медицины, можно было пересчитать по пальцам, и этот лекарь определенно входил в их число. Правда, почти все они давно продали свое искусство великим кланам, и простые люди о них почти ничего не знали.

Го Нуань невольно задумался: почему мастер, чей талант мог бы обеспечить ему почет, богатство и всенародное признание, предпочел укрыться в этой глуши? Наверняка его прошлое хранило немало мрачных тайн.

Чжан Мяо негромко постучал в дверь. Изнутри донесся сонный шорох, и лишь спустя пару минут засов со скрипом сдвинулся.

На пороге показался мужчина с растрепанными волосами и в распахнутом халате. Потирая заспанные глаза, он окинул недоуменным взглядом Чжан Мяо, стоящего за его спиной Лэй Лижэня и маленькую собаку у мальчика на руках.

Повисла неловкая пауза.

Мудрецы медицины славились своим пренебрежением к условностям, однако этот лекарь все же ценил приличия. Пусть перед ним стоял всего лишь ребенок, ему хотелось явить гостям благообразный вид мудреца. Но первая попытка сохранить лицо провалилась с треском.

Махнув на все рукой, целитель хмуро буркнул:

— Чего надо?

Его названный брат не объявлялся целую вечность, а теперь внезапно появился с ребенком. Лекарь вытаращил глаза и, не дав Чжан Мяо вставить ни слова, запричитал:

— Пресвятые угодники! Это твой сын?! Неужели он уже так вырос? Сколько же лет я здесь

просидел? Всё, пропал, совсем отстал от жизни...

Он сокрушенно схватился за голову. Не успев толком создать образ благородного отшельника, хозяин хижины разрушил его до основания.

Лэй Лижэнь читал в древних трактатах, что исцелить разорванные меридианы под силу лишь истинным святым целителям. Те, кто владел этим искусством, буквально возвращали людей с того света и стояли на самой вершине врачевания. Ему казалось, что такой человек должен быть умудренным годами старцем, а вовсе не походить на юношу, стоящего перед ним. Впрочем, пройдя через Семикратную закалку плоти и Девятикратную закалку духа, мастера обретали контроль над изначальной энергией. Их жизнь продлевалась, и хотя бессмертными они не становились, старость отступала. Этот кажущийся юноша вполне мог разменять вторую сотню лет. Понимая, что лекарь — давний друг Чжан Мяо, Лэй Лижэнь смекнул: они наверняка ровесники.

Характер у Мудреца медицины оказался чересчур легкомысленным, что вызывало некоторые сомнения в его надежности, однако Лэй Лижэнь ничем не выдал своего замешательства.

Чжан Мяо горько усмехнулся:

— Да о чем ты только думаешь? — покачал он головой. — Это просто малец, которого я встретил в пути. У него полностью разрушены меридианы, он не может практиковать боевые искусства. Но парень талантлив, и я хочу, чтобы ты его исцелил.

Лекарь смерил Лэй Лижэня оценивающим взглядом, недоумевая, чем этот заморыш мог привлечь внимание его друга. Ничего выдающегося: разве что черты лица чуть тоньше, чем у обычных уличных оборванцев, да угрюмый, нелюдимый вид сразу отталкивал.

Его названный брат двадцать лет копил силы и лелеял ненависть, прежде чем вырезать под корень собственный клан. И пусть в безумии кровавой бойни он пощадил женщин и тех, кто когда-то проявлял к нему милосердие, та резня оставила несмываемое пятно на истории всего города. Трудно было поверить, что в груди этого безжалостного мстителя еще сохранилась крупица сострадания, да к тому же направленная на случайного ребенка. Это казалось поразительным.

Но Чжан Мяо не стал пускаться в объяснения.

— Заходите, — вздохнул лекарь.

Услышав этот разговор, Го Нуань окончательно успокоился. Сцена в точности повторяла сюжет «Боевого зла». Пусть сроки исцеления Лэй Лижэня немного сдвинулись, на общую канву это не влияло. Главное — поставить его на ноги, чтобы он смог поступить в Академию боевых искусств.

В тесной хижине царило спартанское убожество: из мебели внутри стояла лишь грубо сколоченная деревянная кровать.

— Ступай на улицу и отмой бочку, — скомандовал лекарь мальчику. — Она уже сто лет без дела стоит.

В последний раз в ней, кажется, выхаживали самого Чжан Мяо.

Чжан Мяо остался на месте. Лэй Лижэнь молча подхватил Го Нуаня, вышел во двор и, опустив пса на землю, направился к огромной деревянной бочке, которая была едва ли не вдвое выше его самого. На дне и стенках купели, не отмытой после былых процедур, вырос толстый слой скользкого зеленого мха. Го Нуань звонко тявкнул, пытаясь ухватиться зубами за край и помочь, но быстро понял, что от его коротких лап мало толку, и принялся просто бегать кругом, подбадривая своего спасителя.

Почему двое взрослых мужчин заставили надрываться истощенного ребенка? Го Нуань относился к этому философски — законы жанра требовали превозмогания. Сам Лэй Лижэнь тоже не выказывал недовольства. То, что легендарный мастер согласился взяться за его лечение, уже было величайшим благословением. Подумаешь, отмыть бочку. К тому же Чжан Мяо был слеп, и мальчик считал своим долгом взять всю грязную работу на себя.

Озеро плескалось совсем рядом. Лэй Лижэнь усердно тер потемневшее дерево, едва ли не с головой забираясь внутрь огромного чана. Не успел он опомниться, как Го Нуань сам прыгнул в наклоненную к воде бочку. Щенок неплохо держался на воде, забавно перебирая лапами, и изо всех сил скреб когтями склизкие наросты. Грязная жижа то и дело заливалась ему в пасть, отчего пес отчаянно отплевывался, но упорно продолжал возить лапами по дереву.

Лэй Лижэнь молча помогал ему, соскабливая грязь шаг за шагом.

На уборку ушло немало сил. Тем временем в хижине Чжан Мяо и лекарь вели разговор, загадкой которого автор романа, Гэань Цзян, когда-то заинтриговал читателей, пообещав раскрыть ее лишь много глав спустя. А пока повествование возвращалось к скрытой от посторонних глаз беседе.

— Откуда ты взял этого мальчишку? — спросил лекарь. Он кое-как запахнул полы одежды, пригладил мокрыми ладонями растрепанные вихры и обтер лицо засаленной тряпкой, вернув себе подобие человеческого облика.

— На паперти встретил, когда милостыню просил, — не стал вдаваться в подробности Чжан Мяо. Ему и самому казалось странным объяснять другу свою привязанность к сироте. — У тебя хватит запасов?

В свое время, чтобы поставить Чжан Мяо на ноги, целителю пришлось собрать целые горы редких кореньев и трав, но за прошедшие годы кладовая заметно опустела. Сам Чжан Мяо

прожил в этой глуши долгих двадцать лет, питаюсь лишь лесной зеленью да озерной рыбой.

— Чтобы подлатать малого — хватит, — ответил Мудрец медицины.

Чжан Мяо лишь молча кивнул в ответ.

Лекарь нахмурился:

— И что дальше? Ты хочешь, чтобы он повторил твою судьбу? Запереть его здесь на двадцать лет, возвращая ненависть ради мести?

Они провели бок о бок треть жизни. Трудно сказать, кто из них кого спасал от одиночества все эти годы. Для него самого такая жизнь казалась привычной, но обрекать на нее невинного ребенка не хотелось.

Чжан Мяо покачал головой:

— Нет, он вернется назад. Он пойдет по пути, который я когда-то отверг. Интересно, к чему это приведет?

Слепец повернул лицо к старому другу и тихо добавил:

— Я хочу дожить до дня, когда имя этого мальчика будет греметь на всем континенте Цзолань.

Морщины на лбу лекаря разгладились. Каким бы безумным ни казалось решение его побратима, он всегда принимал его сторону. Точно так же, как много лет назад, когда Чжан Мяо решил выколоть себе глаза. Лекарь спорил, умолял, но в итоге смирился.

— Твое зрение... его все еще можно вернуть, — негромко произнес лекарь, вновь возвращаясь к старой ране.

Чжан Мяо остался безучастен. На его лице не дрогнул ни один мускул.

— Мне и во тьме неплохо живется.

Тот хотел было возразить, но в этот момент на пороге показался запыхавшийся Лэй Лижэнь с чистым чаном на плечах. Мудрец медицины проглотил готовые сорваться слова.

Выйдя во двор с охапкой целебных трав, он велел мальчику поставить бочку у самой воды. Одним легким движением лекарь зачерпнул купелью воду, заполнив ее почти до краев. Затем он прижал ладони к толстому дереву, и по корпусу побежали волны изначальной энергии,

заставив воду стремительно закипать. Подобный трюк был под силу любому практику, сумевшему подчинить себе внутреннюю силу. Пройдя Семикратную закалку плоти, человек обретал колоссальную мощь: он мог без труда поднимать многопудовые валуны и голыми руками крушить гранитные скалы.

Как только над бочкой поднялся густой пар, Мудрец медицины бросил в кипяток сухие коренья. Спустя некоторое время, когда вода окрасилась в темно-бурый цвет, он велел Лэй Лижэню раздеться и залезть внутрь, продолжая подогрывать отвар изначальной энергией.

Го Нуань послушно уселся на траве. Его мысли витали далеко отсюда. Если память не изменяла ему, сразу после исцеления Лэй Лижэня пути мальчика и Чжан Мяо должны разойтись. На след отшельников должны были напасть старые враги. «По крайней мере, так намекал автор», — рассуждал пес. В оригинальном романе Лэй Лижэнь успел стереть с лица земли всю страну Сюанью, но к этой сюжетной линии повествование так и не вернулось. По всей видимости, Чжан Мяо и лекарь были родом из других земель, а причины их бегства в Сюанью Гэань Цзян планировал раскрыть в невыпущенном продолжении.

Расставание выйдет поспешным, но перед уходом Чжан Мяо успеет передать мальчику несколько бесценных свитков с техниками и руководствами по боевым искусствам. Классический подарок судьбы, без которого не обходится ни один главный герой. Пусть позже Лэй Лижэнь найдет куда более могущественные техники, этих начальных знаний с лихвой хватит, чтобы заявить о себе во весь голос.

Самым важным среди этих даров станет Метод созерцания Хэньян. На начальных этапах, пока разум и тело еще не окрепли для работы с изначальной энергией, закалка духа играет решающую роль. Хорошее руководство помогало укрепить волю, сосредоточить разум и в разы ускоряло освоение любых боевых приемов. Именно благодаря этой базе Лэй Лижэнь впоследствии будет прогрессировать в Академии с пугающей окружающих скоростью.

Оставался лишь один вопрос: не разрушит ли их опоздание к лекарю эту хрупкую цепь событий? Если сюжет все же вернется на привычные рельсы, Го Нуань сможет подтвердить одну очень важную догадку.

Боль охватила его целиком. Казалось, каждую кость, каждую жилу в теле Лэй Лижэня ломают и перекраивают заново. Разум застилала удушливая пелена, мир перед глазами плыл и терял очертания. Мудрец медицины, не снимая ладони с дымящегося борта бочки, безучастно наблюдал за рыбой, изредка всплескивающей на озерной глади.

Мальчик упрямо сжимал челюсти, не позволяя ни единому стону сорваться с губ. Он заставит себя вытерпеть это, пусть даже сам не понимал, ради чего переносит подобные муки. Сквозь клубы пара он не видел собаку, но твердо знал: верный пес сидит совсем рядом, преданно охраняя его покой и разделяя эту невыносимую пытку.

Да и кто еще в этом огромном, холодном мире стал бы переживать за него?

Мальчик не знал, почему мысль о крошечном теплом комочке, ждущем его снаружи, придает ему силы. Словно сама близость этого беззащитного существа наполняла его жизнь смыслом, разгоняя липкую тьму безысходности. Он еще не знал, что в мире людей это чувство называют спасительной привязанностью.

<http://bllate.org/book/20621/2162660>